

ДМИТРИЙ
GOBLIN ПУЧКОВ

КАТЕГОРИЧЕСКИ
РЕКОМЕНДУЕТ

ДОННИ БРАСКО

МОЯ ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ В МАФИИ

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ АГЕНТА ФБР ДЖОЗЕФА ПИСТОНЕ

**ДЖОЗЕФ
ПИСТОНЕ**

**РИЧАРД
ВУДЛИ**

18+

НАМНОГО ЛУЧШЕ, ЧЕМ ФИЛЬМ

Джозеф Пистоне

**Донни Браско: моя тайная жизнь
в мафии. Правдивая история
агента ФБР Джозефа Пистоне**

«Питер»

1987

УДК 343.341.2
ББК 67.883.2(4Ит)

Пистоне Д.

Донни Браско: моя тайная жизнь в мафии. Правдивая история
агента ФБР Джозефа Пистоне / Д. Пистоне — «Питер», 1987

ISBN 978-5-00116-676-4

Агент ФБР Джозеф Д. Пистоне, изображающий из себя преступника по имени Донни Браско, провел самую дерзкую операцию в истории ФБР, работая под прикрытием шесть лет, чтобы проникнуть в самые закрытые круги мафии. Теперь его незабываемый рассказ оживляет весь мафиозный мир — их кодекс чести и предательство, их жен, подруг и любовниц, их расточительные траты и грязные дела. Джозеф Пистоне раскрывает все невероятные аспекты ревниво охраняемого мира, в который он проник, и рисует леденящую кровь картину того, что такое мафия, что они делают и что она означает в современной Америке. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 343.341.2
ББК 67.883.2(4Ит)

ISBN 978-5-00116-676-4

© Пистоне Д., 1987
© Питер, 1987

Содержание

Предисловие Дмитрия Goblin Пучкова	6
1	8
2	12
3	24
4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ричард Вудли, Джозеф Пистоне Донни Браско: моя тайная жизнь в мафии. Правдивая история агента ФБР Джозефа Пистоне

© Joseph D. Pistone, 1987

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

© Перевод на русский язык Питер Класс, 2023

© Издание на русском языке, оформление Питер Класс, 2023

© Дмитрий Goblin Пучков, предисловие, 2023

«Леденящий кровь репортаж из самого сердца мафии».

United Press International

«Вот он, документальный жанр, во всей своей красе. Бескомпромиссный, убедительный, захватывающий, пугающий своей откровенностью».

Toronto Star

«Напряжение нарастает со скоростью пулеметной очереди... Повествование разворачивается в лучших детективных традициях, но главная интрига соткана ледяными нитями реальности... Джозеф Д. Пистоне – истинный герой Америки!»

Virginian Pilot

«Целая россыпь имен... и невероятных подробностей про завсегдатаев сомнительных заведений».

New York Daily News

«Очередное разоблачение!.. Если вы хотели знать о мире мафии абсолютно все, у вас теперь два способа: влезть туда самостоятельно или прочитать воспоминания Пистоне».

Canton Repository

«Высший пилотаж!»

Dayton News/Journal Herald

Предисловие Дмитрия Goblin Пучкова

Говорят (говорят!), что 75 % продаваемых книг – это детективы. Гражданам безумно нравится узнавать, кто кого зарезал, избил и ограбил. Все страшно любят детективы, как книжные, так и киношные. Соответственно, читать и смотреть про бандитов любят тоже.

Книга под названием «Донни Браско» – про сотрудника ФБР, которого внедрили в итальянское преступное сообщество, где он шесть лет вел оперативную работу. На мой скромный взгляд, это вообще лучшая книга на данную тему, написанная в США. Понятно, из тех, что я читал.

В книге нет никакой «гламуризации» преступности. Нет красивых героев, как в «11 друзей Оушена», вроде Брэда Питта и Джорджа Клуни. В книге показаны обычные уголовники, все как один – натуральные мрази, и ничего гламурного в них нет. В плане реалистичности книга сильно превосходит одноименный фильм, потому что в книге нет актеров – любимцев публики Джонни Деппа и Аль Пачино.

«Донни Браско» – это взгляд на этническую американскую преступность изнутри: кто кого убил, кто кого кинул – никакого прославления бандитизма и уголовщины, местами читается как полицейский протокол. Никаких ловко украденных миллионов долларов, никаких роскошных особняков и прекрасных дам. Все сильно проще: вот итало-американские уголовники, а вот их достаточно скромный быт. Речь не о лихих грабежах и кутежах, а о людях: один мент, другой бандит. И то, как мент неизбежно превращается в бандита и как строятся взаимоотношения, – это знакомо.

Перед нами натурально пособие по внедрению в ОПГ: шаг за шагом, без лишних телодвижений, без шума и пыли. Что делать можно, а чего делать нельзя категорически. Когда надо говорить, а когда лучше молчать. Что можно говорить и как. Наглядно показано, как заслужить авторитет у бандитов и при этом сохранить верность закону и своим принципам.

Дональд (Донни) Браско – это оперативный псевдоним. Настоящее имя главного героя – Джозеф Доминик Пистоне. От его лица и написана книга, где он, не без доли иронии, с самого начала предупреждает читателей, что останется жив и относительно невредим до последних страниц захватывающей книги. Единственный минус – всю оставшуюся жизнь он будет вынужден скрываться и придумывать себе новые легенды.

После разоблачения и судебного процесса уголовные авторитеты сулили серьезные деньги за голову Браско. Было за что. В городе Нью-Йорке работают пять крупных мафиозных семей: Гамбино, Луккезе, Дженовезе, Коломбо и Бонанно. И Донни Браско перешел дорогу им всем.

Пистоне пишет: «Многое зависит от того, насколько ты уверен в себе. Большую часть времени придется идти по темному лабиринту, и никто не укажет тебе правильное направление. Никто не подскажет, что скрывается за тем или иным поворотом. Остается доверять своему чутью, как это делают уличные ребята. Оно, конечно, может подвести – и тебя, и твоего противника. Но в любом случае улица – не то место, где можно сомневаться в своих решениях».

Донни Браско несколько раз был близок к провалу. Но его регулярно спасала изначально тщательно выстроенная репутация среди уголовников – «хрупкая вещь, которую укрепляют мимолетными впечатлениями, пройденными спонтанными проверками, интуитивным чувством момента». Ну и, конечно, трезвый ум и хладнокровие.

В 1983 году на вручении награды Генерального прокурора США торжественно объявили, что ни одному оперативнику не удавалось проникнуть в преступный мир так глубоко, как это получилось у Пистоне.

По силе воздействия я бы поставил «Донни Браско» сразу за книгой «Крестный отец» – и там и там авторы прекрасно владеют предметом.

Настоятельно рекомендую к прочтению!

Моим искренне любимым жене и детям.

Родителям, братьям и сестрам с обеих сторон.

Майклу, Шейле, Джейни, Бобу Ф., Говарду и Гейл, а также Дону и Патриции – спасибо.

Агентам ФБР, которые являются лучшими в своем деле.

Следователям, благодаря которым Федеральному бюро расследований нет равных в мире.

Прокурорам специальной группы Министерства юстиции США из Тампы, Милуоки и в особенности – прокурорам Федерального окружного суда Южного округа штата Нью-Йорк.

Дж. Д. П.

1

И грянул гром

Со свидетельской трибуны мне открывался вид на пятерых подсудимых мафиози, несколько рядов прессы и переполненный зал суда, вместивший более трехсот человек. Потрясающее зрелище. Так начинался судебный процесс над первой группой обвиняемых.

Левша «Два ствола» Руджеро обескураженно тряс головой. Красавчик Серасани, Ники Сантора, Мистер Рыба Рабито и Башмак Томасуло повторяли за ним, как болванчики. Казалось, никто из них не был в состоянии поверить в происходящее. «Он никогда не сдаст нас», – еще недавно говорил своему адвокату Левша. Вплоть до моего появления в суде, он искренне отказывался верить в то, что я спецгент ФБР, а не его подельник.

На его беду, двое других обвиняемых еще до суда признали свою вину. Осознание происходящего пришло к Левше позже, в тюремной камере, когда в ожидании очередного заседания он сказал сокамернику: «Сдохну, но достану этого уебка Донни».

Мафия была готова выложить кругленькую сумму за мою голову. Агенты ФБР взяли меня под круглосуточную охрану.

За пару дней до того, как я дал показания, когда мое имя еще было засекречено, наш осведомитель из Баффало, Нью-Йорк, нашептал, что мафия решила отыграться на моей семье.

Главным обвинителем по моему расследованию назначили Барбару Джонс, помощницу федерального прокурора США. Самым могущественным шефом мафии, *боссом боссов*, который на тот момент возглавлял Комиссию¹, считался Большой Пол Кастеллано из семьи Гамбино. Я сказал Барбаре, что хочу сам пойти к Кастеллано и доходчиво ему объяснить, что если с головы моей жены или детей упадет хоть волосок – ему не жить. Но только если подобного рода визит к нему не навредит процессу. «Не мне решать, с кем тебе можно, а кем нельзя разговаривать», – ответила она.

Барбара проявила мудрость и понимание. Но я решил, что этим могу навредить делу, поэтому отказался от своей идеи, предупредив кое-каких людей и оставаясь все время начеку.

В самом центре зала в гуще толпы мелькнул один из членов семьи Бонанно, которого я не знал по имени, но пару раз видел в Маленькой Италии. Он сложил пальцы пистолетом, прицелился в мою сторону и спустил воображаемый курок. Дождавшись перерыва, мои телохранители нашли парня в коридоре и провели с ним беседу. В зале его больше не видели.

Я провел во внедрении шесть лет. Все это время лишь несколько человек знали, кто я такой на самом деле и что я делаю в рядах мафии. Теперь же пресса как с цепи сорвалась.

Первые страницы газет пестрели огромными заголовками: ФЕДЕРАЛ ВОДИЛ ЗА НОС МАФИЮ ШЕСТЬ ЛЕТ; СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ РАЗОБЛАЧАЕТ СДЕЛКИ БАНДИТОВ; СПЕЦАГЕНТ ФБР ВЛЕЗ В ДЕЛА МАФИИ; ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НАДУЛ МАФИЮ; ФБР РАССЕКРЕТИЛО ЛИЧНОСТЬ КРОТА; «БРАСКО» – ЦЕЛЬ НОМЕР ОДИН. «Ньюсуик» посвятил мне целую полосу под кричащим названием «Я – бандит на службе ФБР». Также была уйма статей и об угрозах в мой адрес: МАФИЯ БУДЕТ МСТИТЬ ВНЕДРЕНЦУ; БАНДИТЫ ВЫСЛЕЖИВАЮТ СОТРУДНИКА ФБР, КОТОРЫЙ ОБВЕЛ ВОКРУГ ПАЛЬЦА СЕМЬЮ БОНАННО.

¹ Комиссия (англ. *The Commission*) – коллективный руководящий орган американской Коза ностры, созданный Лаки Лучано в 1931 г. для предотвращения войн между семьями. Некоторые сравнивают Комиссию с Советом безопасности ООН. Причинами прекращения совещаний Комиссии были постоянная слежка со стороны полиции и ФБР и опасность утечки информации. Последний раз Комиссия собиралась в ноябре 1985 г. После громкого судебного процесса в 1985–1986 гг. главы семей предпочитали связываться при помощи курьеров. – *Примеч. ред.*

Еще до суда пресса уже знала, что главным свидетелем по делу станет агент ФБР, который работал во внедрении. Журналисты из штанов выскакивали, пытаясь накопать побольше фактов. Когда начался процесс, они мне буквально прохода не давали. Я отказывался от интервью, запрещал любую фотосъемку. Обычно заседания заканчивались в пять вечера, но мне приходилось торчать в зале до восьми или девяти, пока пресса не уйдет, а федеральный маршал не выведет меня тайком через вход для подсудимых. О том, чтобы отлучиться из суда на обед или выйти из отеля на ужин, не могло быть и речи.

Перед началом судебного разбирательства появились подробности о заказе на мое убийство. Верхушка мафии предложила полмиллиона баксов любому, кто сможет меня прикончить. Мои фотографии разлетелись по всей стране. Мы решили подстраховаться, и федеральные прокуроры подали прошение в суд, чтобы мне и еще одному агенту, который последний год был моим напарником, разрешили давать показания под теми именами, которые уже были известны мафии, – Донни Браско и Тони Росси.

Роберт У. Свит, председательствующий судья всего процесса и по совместительству федеральный судья Южного округа штата Нью-Йорк, отнесся к ситуации с пониманием. В ответном постановлении он выразился так: «...несомненно, данные агенты находились, находятся и будут находиться в большой опасности. Действия агентов на передовой борьбы с преступностью, безусловно, свидетельствуют об их мужестве, героизме и мастерстве и дают им право на любую надлежащую защиту, [включая] утаивание местонахождения их домов, семейного положения и любой другой информации, которая имеет прямое или косвенное значение и может увеличить их подверженность риску».

Но он отклонил наше ходатайство из-за конституционных прав подсудимых на очную ставку со своими обвинителями. Я не увидел в этом предательства с его стороны, но и не удивился такому решению. Но и с самого начала никто никаких гарантий мне не давал.

Мое настоящее имя не разглашалось до первого дня процесса, когда я вошел в зал суда в качестве свидетеля, поднял правую руку и поклялся говорить только правду. Потом меня попросили представиться, и я впервые за шесть лет во всеуслышание произнес свое истинное имя: Джозеф Доминик Пистоне.

Все эти годы, пока шла операция, я лгал каждый день и буквально существовал во лжи. Я лгал ради того, что считал высокой моральной целью: помочь правительству моей страны уничтожить мафию. Тем не менее я постоянно осознавал, что в конце концов адвокат защиты задаст мне вполне резонный вопрос: все это время вы лгали, как же мы можем верить вам сейчас?

Последние шесть лет меня окружала сплошная ложь, моя жизнь строилась на лжи. Внезапно все перевернулось с ног на голову.

Работая во внедрении, мне приходилось задумываться над последствиями каждого моего шага: а что скажут на это присяжные? Я должен был быть абсолютно чистым. Я записывал все, что мог, и запоминал все, что не мог записать. Все сводилось к тому, что я скажу присяжным и поверят ли мне они.

С первого заседания помощники федерального прокурора США Барбара Джонс и Луис Фри твердили мне:

«Неважно, сколько улик мы раскопаем, присяжные должны вам поверить. Не сможешь их убедить – и дело накроется».

Я вышел из внедрения 26 июля 1981 года – и с этого же дня целиком погрузился в подготовку к судебным заседаниям.

Меня полностью захватил водоворот дел. Я общался с федеральными прокурорами, которые беспрерывно составляли обвинительные акты на мафиози и готовились к судебным засе-

даниям в Нью-Йорке, Милуоки, Тампе и Канзас-Сити по делам о бандитизме, организации нелегальных азартных игр, вымогательствах и убийствах. Я ездил в штаб-квартиру ФБР в Вашингтон и участвовал в параллельных расследованиях федерального масштаба в качестве уже не свидетеля, а источника информации. Недели складывались в месяцы, я сотрудничал с уголовными органами, давал показания перед большим жюри² и свидетельствовал в судах.

В одном только Нью-Йорке, обители основных мафиозных семей, иногда проходило по пять-шесть судебных заседаний одновременно. Расследования, которые мы доводили до суда, получали широкую огласку: вспомнить только «Дело о пиццериях», когда вскрылась крупнейшая схема по контрабанде героина под прикрытием торговли пищей, или суд над всей верхушкой мафии, так называемое Дело о Комиссии. Поскольку я так долго жил внутри мафии, у меня была уйма полезной информации, касающейся их всех. В последующие пять лет мне предстояло дать показания в доброй дюжине судебных разбирательств в нескольких городах.

Забегая вперед, скажу, что нам удалось получить более сотни обвинительных приговоров федерального уровня. К 1987 году внедренные агенты, следователи, копы, федеральные прокуроры и осведомители совместными усилиями наконец-то обезглавят Коза ностру. Мафия изменится навсегда. Глава каждой без исключения семьи пойдет под суд, сядет в тюрьму или умрет еще до вынесения приговора. Мы засудим почти всех, кто попал на карандаш.

Но это все нас еще только ожидало. Возвращаемся в август 1982-го, когда мы только начинали готовиться к юридической осаде судов по материалам, собранным за годы открытой слежки и оперативной работы во внедрении. Праздновать не было ни времени, ни желания. Мы щелкнули мафию по носу, унизили ее, и теперь бандиты метались, как осы в растревоженном гнезде. Они спешно принялись чистить свои ряды. Каждый, кто имел ко мне хоть какое-то отношение внутри синдиката, стал либо трупом, либо ходячей мишенью. По крайней мере двое были убиты именно из-за их связи со мной, а мой бывший круг общения поредел человек на десять. Один продажный коп свел счеты с жизнью, не дожидаясь приговора.

У меня были свои заботы, я давал показания. И скрывался от желающих меня прикончить.

В Милуоки, где я свидетельствовал против Фрэнка Балистриери, главы местной семьи, на одном из заседаний представитель защиты спросил, где я и моя семья проживали во время секретной операции. Сторона обвинения запротестовала. Окружной судья Теренс Т. Эванс настаивал на ответе. «Только через мой труп, – подумал я и сказал: – Ваша честь, я не буду отвечать на этот вопрос». Судья пригрозил обвинением в неуважении к суду. В дело вмешались адвокаты, и после краткой консультации судья постановил, что прямое отношение к делу имеет тот адрес, который был известен бандитам, а не фактический. Тогда я ответил: «Калифорния».

Мой настоящий домашний адрес, как и фамилия, под которой жила моя семья, тщательно хранятся в строжайшем секрете и по сей день. ФБР установило специальную охранную систему в нашем доме и подключило ее напрямую к своим каналам.

Когда мое настоящее имя засветилось в СМИ, на связь вышел знакомый адвокат и предупредил, что к боссу семьи Дженовезе, Жирному Тони Салерно, пришел один из парней, с которыми я рос в Нью-Джерси, и сдал меня с потрохами: откуда я, где живут мои близкие и как меня через них отыскать.

Дочери плакали мне в трубку. Тесть боялся заводить по утрам машину.

ФБР задумало снова перевезти мою семью в другое место. Я отказался. Еще один переезд – это уже слишком. Я не собираюсь находиться в бегах всю оставшуюся жизнь. Моя семья не будет трястись в страхе перед ублюдками из мафии. Могут ли они меня выследить? Я всегда

² Присяжные заседатели, решающие вопрос о предании обвиняемого суду или прекращении производства его дела. – Примеч. ред.

готов к этому. Проверяю, нет ли за мной слежки. Меняю имена, когда перемещаюсь или завожу кредитки. Конечно, очень постаравшись, они смогут меня выследить. От всех не спрячешься. Но если это произойдет, им придется иметь дело лично со мной, и тогда мы посмотрим, кто чего стоит.

Мне было 43 года, когда первое дело попало в суд. Предыдущие шесть лет были просто вычеркнуты из нормальной жизни. Я мог бы воспитывать дочерей, которые, по сути, выросли без отца. Я надеялся компенсировать данное неудобство гордостью за свои достижения по службе, но дальнейшая жизнь показала, что публичное признание мне не светит. Я всегда буду скрываться под вымышленными именами, а мое оперативное прошлое останется известно только близким друзьям и коллегам.

Меня утешает твердая уверенность в том, что я выложился по полной, что мы довели дело до суда и что другие агенты – мои коллеги – ценят и уважают меня за мою работу. Моя семья гордится мной.

А я горжусь тем, что после операции остался все тем же Джо Пистоне, каким был перед ее началом. Шесть лет в рядах мафии не изменили меня. Я остался человеком. Не предал свои ценности. Сохранил психическое и физическое здоровье. Не пристрастился к выпивке. Не бросил спорт. Не потерял семью. Я без труда вышел из роли Донни Браско, не запутавшись в личностях. Я горжусь тем, что Джо Пистоне, который начал операцию, и Джо Пистоне, который ее закончил, – это один и тот же человек, со своими достоинствами и слабостями.

Как-то раз после очередного заседания в Нью-Йорке ко мне подошел адвокат защиты: «Вами выполнена чертовски тяжелая работа. Вы просто кремень».

Несколькими годами позже, в 1986 году, Расти Растелли, глава семьи Бонанно, в которую я внедрился, ожидал начала процесса, сидя в коридоре здания суда Восточного округа Нью-Йорка в Бруклине. Он развалился в троноподобном кресле, а вокруг него толпилась верная свита – другие подсудимые из семьи Бонанно. Все они до сих пор отказывались верить в реальность происходящего. «Даже если бы я был тогда на свободе, – рассуждал Растелли, – он бы никогда со мной не пересекся». «Куда ему! Да что он вообще успел бы за шесть лет?» – поддерживал его мафиозо, стоявший рядом. Во время суда дочери одного из подсудимых устроили очную ставку с Растелли. На вопрос об агенте, который дает против всех них показания, она ответила: «Опасная работенка. Не хотела бы я оказаться в его шкуре».

17 января 1983 года я отправился с женой и братом в Вашингтон на ежегодное вручение наград Генерального прокурора США. Перед церемонией мы пообедали с главой ФБР Уильямом Уэбстером и его заместителями в отдельном зале Здания имени Эдгара Гувера штаб-квартиры ФБР.

Сама церемония награждения проходила в Большом зале Министерства юстиции. Зал был полон гостей высочайшего ранга – один почетней другого.

Одна из наград была предназначена мне. Генеральный прокурор Уильям Френч Смит и глава ФБР Уэбстер вручили мне премию Генерального прокурора США за выдающуюся службу в Бюро. Они объявили, сколько лет я провел во внедрении, отметили, что ни одному агенту прежде не удавалось так глубоко проникнуть в ряды мафии, и рассказали, на какие личные жертвы мне пришлось пойти ради результата. Зал взорвался оглушительными аплодисментами.

Для меня это был лучший момент в карьере после участия в первом судебном заседании против мафии.

2

Как все начиналось

На второй год службы в Александрии, Вирджиния, меня перевели из офиса в уличные агенты. Как-то раз мы целый месяц гонялись за молодцем, который обчистил несколько банков, и нам все никак не удавалось его прижать. И тут мне и моему напарнику Джеку О'Рурку нащептали, что скоро наш парень заглянет на полчаса в одну из квартир в соседнем Вашингтоне. Мы попросили коллег из местного офиса ФБР выделить пару машин, а потом и сами выдвинулись к месту. Только подъехали, и вот наш красавчик спускается по лестнице.

Надо сказать, парень был огромный – под два метра ростом и больше ста килограммов весом. Черный. Ограбил несколько банков и отелей, застрелил служащего.

Теперь представьте: мы в самом сердце «черного» квартала. Парень замечает нас и дает деру через переулок. Я выпрыгиваю из тачки, бегу на своих двоих, а напарник мой рулит вокруг дома, чтобы перехватить беглеца. Лавируем между домами, прыгаем через ограды, сносим мусорные баки – в общем, устраиваем полный дебош. Ствол достать не имею права – парень, похоже, без оружия. Наконец, в очередном переулке я делаю рывок и сбиваю его с ног. Завязывается знатная потасовка. Летят хуки, и мы по очереди нюхаем землю. Драка постепенно переходит в партер, мы катаемся по земле и раздаем один другому тумаки уже на глазах у толпы зевак. Мне все никак не удастся скрутить противника. Я тянусь за спину, кое-как достаю наручники, продеваю руку в браслет, и наконец-то мне удается оглушить грабителя неплохим ударом. Пары секунд хватает, чтобы взять парня в захват и застегнуть второй браслет, уже на его запястье.

Приезжают патрульные, и мы пакуем персонажа.

По пути к машине он поворачивается ко мне и выдает:

– Ты ведь с *Айталии*, да?

– Допустим.

– Точняк. Так дерутся только черномазые или *айтальяшки*. А на черномазого ты не похож.

Грустно у парня судьба сложилась. Бывший морпех, имеет медали за службу во Вьетнаме. После войны он вернулся в США безработным. Оказалось, ветеран Вьетнама – это не профессия. Он сел на героин и стал налетчиком. Спустя три года после нашей встречи он вышел из тюрьмы и принялся за старое. Во время очередного задержания он оказал вооруженное сопротивление, и в перестрелке один из моих сослуживцев снес ему голову из дробовика.

Я искренне переживал из-за него. С другой стороны, тут больше вопросов к психологам и соцработникам. А я был агентом ФБР.

Да, во мне течет итальянская кровь. Мои дед с бабкой эмигрировали из Италии в Штаты. Я родился в Пенсильвании. Сначала рос там, потом в Нью-Джерси. Отец работал на шелковой фабрике и держал пару баров. В шестьдесят два года он вышел на пенсию. А еще у меня есть младшие брат и сестра.

В старших классах я занимался спортом, в основном баскетболом, играл как в нападении, так и в защите. Роста во мне было всего сто восемьдесят сантиметров с небольшим, но прыгал я достаточно высоко, чтобы попасть в дубль команды штата. Из школы я пошел в военное училище, чтобы больше играть в баскетбол, а затем по баскетбольной квоте поступил в университет. Но я знал, что профессионалом мне не стать. Баскетбол был лишь средством поступления в университет. В качестве специализации я выбрал обществоведение. На самом деле я хотел стать школьным тренером по баскетболу. На третьем году обучения я оставил университет и женился. В ту пору мне было двадцать.

Около года я хватался за любую работу, как это бывало еще в школьные времена: разнорабочим на стройке, водителем бульдозера и тягача с прицепом, помощником на шелковой фабрике, барменом. Жена работала медсестрой. Чтобы получить диплом, пришлось вернуться к учебе. Но с баскетболом было покончено. Жена забеременела, мне приходилось работать полный день. Было просто не до баскетбола. Когда родилась дочь, жене пришлось выйти на работу, чтобы я смог закрыть долги по учебе.

В нашем роду не было копов. А вот я в детстве частенько задумывался над тем, чтобы пойти в полицию или стать агентом ФБР. На выпускном курсе университета один из моих приятелей надумал сдавать экзамен в местное полицейское управление. Он звал меня с собой, и я в итоге согласился, хотя поначалу собирался просто закончить учебу. На письменном экзамене я попал в пятерку лучших, а по физподготовке вообще стал первым. Во время собеседования с начальником полиции я сообщил, что готов к работе, но прежде мне хотелось бы закончить университет и получить диплом: мне оставался один семестр. Я поинтересовался, можно ли мне работать только по ночам, пока не закончу учебу. Начальник ответил, что не видит проблем.

Но перед самой присягой он вдруг сказал, что не сможет гарантировать мне только ночные смены. Поэтому мне пришлось отказаться от работы в полиции, чтобы завершить учебу. Получив диплом, я некоторое время преподавал социологию в средних классах. Работа с детьми мне нравилась. Ко времени окончания университета у меня самого уже было двое детей.

Один мой друг служил в военно-морской разведке. Эта организация брала на службу гражданских и поручала им расследования дел о преступлениях, совершенных на территориях правительственных объектов, где дислоцировались служащие военно-морских сил, а также дела о преступлениях, совершенных служащими военно-морских сил в гражданском секторе. Расследования были самые разнообразные: убийства, нелегальные ставки, квартирные кражи со взломом, торговля наркотиками и даже дела, касающиеся национальной безопасности, например шпионаж.

Агенты разведки ВМС нередко сотрудничали с коллегами из ФБР. В глубине души я всегда хотел стать федералом. Но Бюро требовало три года опыта в органах и высшее образование.

Меня заинтересовала разведка ВМС. Там было достаточно только высшего образования. Я успешно прошел экзамены и стал агентом в Управлении военно-морской разведки. К тому моменту у меня родилась уже третья дочь.

Большую часть времени я проводил в Филадельфии за офисной работой. Ко мне в расследование попервоначально сбрасывали всевозможную дребедень, и лишь иногда попадались документы с грифом «Секретно». Потом пошли дела о наркотиках и кражах, стали мелькать дела о шпионаже, по которым я вел разведывательную работу. Я сопровождал дела от начала и до конца, свидетельствовал в военных судах.

Так у меня и набежали необходимые для федералов три года работы в органах. Я сдал экзамены, выполнил все нормативы по физподготовке, и 7 июля 1969 года был приведен к присяге спецаргента Федерального бюро расследований.

Следующие четырнадцать недель я провел в Академии ФБР в Куантико, Вирджиния, где мне читали курсы по нормам права, правонарушениям, подпадающим под юрисдикцию ФБР, а также всевозможным методикам проведения допросов и различных расследований. Меня обучили основам самообороны, техникам автомобильных преследований, правильной процедуре ареста и применению всех видов оружия, которые были доступны агентам.

В разведке ВМС офисной работе я всегда предпочитал работу на улицах, лицом к лицу с преступностью. Такие же планы у меня были и в отношении Бюро, но там и выбора-то не было: все так или иначе начинают с уличной службы.

Меня прикрепили к штабу в Джексонвилле, Флорида.

На первом же месяце службы я попал в свою первую передрыгу. Нам выдали ордер на арест какого-то уголовника, сбежавшего из тюрьмы в Джорджии. Он сидел за похищение и убийство двух человек, а после бегства рванул через границу штата во Флориду. Осведомитель сообщил моему напарнику маршрут беглеца, который за рулем фургона направлялся на очередное грязное дело.

Мы с напарником определяем место, засекая нашего красавца по пути следования, и садимся ему на хвост, намереваясь взять его непосредственно на месте преступления. Через пару миль он замечает слежку, резко сворачивает с магистрали на проселочную дорогу и пытается нас сбросить с хвоста. Теперь ход за нами. За рулем мой партнер. Он обгоняет фургон слева, равняется с ним и выталкивает его на обочину таким образом, что моя пассажирская дверь смотрит прямо на водительскую дверь фургона. Мы с беглецом одновременно выскакиваем наружу, нас разделяют метра полтора, не больше. У него в руках пушка. Я даже не сразу сообразил, что делать. Парень направляет ствол на меня и спускает курок. *Осечка*. Еще спуск. *Еще осечка*. Две подряд.

Все это происходит буквально за пару секунд. Парень бросает ствол и дает деру. Я срываюсь за ним. Мой напарник вылезает из тачки и несется за нами. «Пристрели его!» – орет он мне.

В ФБР очень жесткие правила по применению огнестрельного оружия. Предупредительные выстрелы под запретом. Стрелять можно только для самообороны, и стрелять нужно на поражение. Я не собирался его убивать. Но я был в бешенстве оттого, что позволил какому-то уголовнику взять себя на прицел. Бегать в костюме с галстуком еще то удовольствие, но я сбиваю парня с ног, от души прикладываюсь наручниками ему по голове и, наконец, застегиваю браслеты на запястьях.

Подбегает мой напарник.

– Какого черта ты не стрелял? – выдыхает он.

– А смысл? – отвечаю я.

Парень напугал меня до смерти. Хотя я скорее злился на себя, чем на него, потому что сам выскочил из тачки без оружия. А после того как беглец запаниковал и отбросил пушку, убивать его было уже глупо.

В Джексонвилле я ловил беглецов, закрывал подпольные игорные заведения, расследовал ограбления банков. У меня появились свои осведомители. Я умел наладить контакт с уличными ребятами, это получалось как-то само собой.

Я и сам вырос на улице. А там выживают самые шустрые и сообразительные, поэтому я всегда отдавал должное смекалке бандитов и воров. Если хочешь сведений, то будь добр, позаботься о безопасности своего осведомителя, не раскрывая никому источник. И ни в коем случае не доверяй ему всецело – помни, что он тоже никогда не доверится тебе полностью: ты на стороне закона, в отличие от него.

Я никого не наставлял на путь истинный. Социальная работа сильно отвлекает и мешает расследованию.

Среди моих осведомителей попадались и женщины, поскольку я часто работал по делам о проституции. Эти дела рассматривались на федеральном уровне благодаря Закону Манна³, запрещавшему перевозить женщин из штата в штат для занятия проституцией. Женщины в таких случаях считались потерпевшими. Мы отслеживали сутенеров, которые избивали проституток или прижигали их вешалками для одежды за пустую кассу и прочие оплошности.

³ «Закон Манна» (англ. *Mann Act*) от 1910 г. – федеральный закон США, запрещавший сексуальное принуждение, укрытие проституток-иммигранток и пересечение границ штатов женщинами, преследовавшими «аморальные цели». Закон был призван защитить представительниц слабого пола от «белого рабства», однако на практике он едва ли не полностью ограничил свободу передвижения женщин. – *Примеч. ред.*

Иногда я советовал очередной проститутке сбежать от сутенера. Уговаривать совсем бросить это занятие было бесполезно, я даже не пытался. Я рассуждал проще: раз уж ты выбрала такую профессию, я помогу тебе выжить, но не более. Несколько девушек вняли моим советам и ушли от сутенеров, чему я был очень рад. А некоторые из них стали моими информаторами, что обрадовало меня еще больше.

Одну из моих осведомительниц звали Коричневой Сладостью. Я уговорил ее перебраться из неблагополучного района в более спокойный и безопасный квартал. Денег на обустройство жилья у нее не было. Я спросил жену, можем ли мы отдать ей на новоселье старую кухонную утварь. «Я не собираюсь делиться посудой с какой-то там Коричневой Сладостью», – отрезала она. В начале моей карьеры мы и сами жили без изысков, вытягивая троих детей.

Меня и моего напарника то и дело привлекал к своим делам отдел нравов полиции Джексонвилла. Органы, имеющие дело с уличной преступностью, постоянно сотрудничают между собой, поодиночке им не справиться. Взаимная неприязнь между разными отделами чаще возникает на других, руководящих уровнях – там, где требуется как можно громче заявлять о себе. Нам же с напарником, наоборот, огласка была не нужна, поскольку копы из отдела нравов подкидывали нам прибыльную работенку на стороне. Мне так и вовсе лишнее внимание даром не сдалось: на первом году службы, на испытательном сроке меня могли вышвырнуть в любой момент без объяснения причин.

В то время более-менее приличные отели во Флориде переживали бум проституции. В отельных барах и ресторанчиках обосновались первоклассные шлюхи, охотившиеся за богатыми постояльцами.

Все без исключения во всех отелях знали копов из отдела нравов в лицо, но никто не знал меня. Мы разыгрывали стандартную сцену: я изображал толстосума, ловил шлюху на живца и следовал за ней в номер. Местные копы шли за нами, выжидали пару-тройку минут возле двери, чтобы я успел расплатиться, затем вламывались и арестовывали девушку.

Мне в ту пору было уже тридцать лет. Далеко не мальчик, но как новичку мне приходилось непросто: копы из отдела нравов не упускали случая подколоть меня. Как-то раз захожу я в номер с очередной девицей. Протягиваю ей деньги, жду, когда парни начнут ее брать. Тишина. Она начинает раздеваться. «Чего застыл, красавчик? – спрашивает она. – Давай раздевайся». Я что-то бурчу в ответ. Возле двери тихо. И вот она в чем мать родила начинает стаскивать с меня одежду. Я, совершенно обалделый, отпихиваю ее руки от своих молний и пуговиц. Моя карьера висит на волоске, ФБР такие дела не поощряет.

И тут я замечаю над дверью небольшое окно и слышу смешки. Они подсадили туда одного копа, который ржет как конь и докладывает о происходящем на всеобщую потеху.

Девушку они все-таки арестовали.

Потом пошли сообщения о вооруженных ограблениях. Сутенеры придумали прятаться прямо в номерах и обчищать клиентов.

И вот одна из девушек, работавшая по такой схеме со своим сутенером, цепляет меня внизу и тащит в номер. Я уверен, что копы обойдутся без подколов, на этот раз не до шуток.

В номере я делаю вид, что хочу повесить куртку в шкаф. В шкафу никого. Иду в уборную. Пусто и там. Возвращаюсь в комнату к шлюхе, протягиваю деньги. Она заметно нервничает. Я знаю, что сутенер в номере.

И тут до меня доходит, что он сидит за душевой занавеской. Она была отдернута и собрана складками сбоку, а туда я не заглядывал. Я говорю девице: «Раздевайся, пойду сполосну руки еще разок».

Сутенер явно с оружием. Если я достану ствол, девка завизжит, начнется неразбериха. Нужно действовать неожиданно.

Я захожу в ванную, открываю воду, затем резко оборачиваюсь и срываю занавеску. А вот и сутенер с короткостволом в руке! Бью его по запястью, заламываю руку, он роняет пушку.

Брыкается, но уже поздно. Копы суетливо заваливаются в номер, я толкаю чувака в их сторону и ухожу.

Спустя полтора года меня перевели в Александрию, Вирджиния. Местный штаб был по уши завален заявками на проверку биографических данных – такие расследования проводят, когда принимают человека на госслужбу. Всех новоприбывших автоматически бросали в отдел, который разгребал эти заявки. Меня будто посадили на цепь. Я отправился к руководящему спецагенту – начальнику штаба – и спросил, можно ли мне брать уголовные дела, когда нет новых заявок на проверку. Он сказал, что не возражает. В итоге до обеда я расправлялся со всеми биографическими проверками, а после обеда работал с парнями из уголовного отдела.

Я собрал целую сеть осведомителей, которые мне сильно помогали раскрывать ограбления банков и ловить плохих ребят. Война во Вьетнаме подходила к концу, поэтому я был буквально завален делами о дезертирстве в Александрии. Своего рода напоминание о начале моей карьеры в Джексонвилле.

В Александрии я провел четыре года. Хорошие были времена. Мы жили в загородном клубе, в котором жена работала администратором культурно-развлекательных программ.

Между тем я успел съездить в учебный центр в Куантико и пройти там краткий курс по борьбе с подпольными азартными играми и работе во внедрении. Тогда в Бюро не проводилось никаких долгосрочных операций по внедрению. Максимум день или два в роли «живца», когда нужно было выкупить украденную вещь и взять вора с поличным.

В начале семидесятых я успел пройти курсы спецназа. Подобные подразделения начали формировать, чтобы реагировать на захват заложников при угонах самолетов или потенциальных террористических атаках. На курсы брали лишь агентов с превосходными физическими данными. Нас натаскивали на применение разнообразного оружия и обучали тактик штурма зданий: мы спускались по тросам с крыш, отвесных стен и вертолетов. В программу обучения входил курс по выживанию в джунглях и в открытой воде. Мы оттачивали навыки рукопашного боя. Спорт сплотил всех нас, и я с теплотой вспоминаю те времена.

В 1974 году меня перевели в Нью-Йорк, в отдел по борьбе с угонами крупных транспортных средств. Команда подобралась что надо, но и нагрузки были соответствующие. Мы работали шесть дней в неделю, иногда не спали по двое-трое суток. Но таким режимом в Бюро никого не удивишь. Агенты встают в полседьмого или семь утра и вкалывают двенадцать часов подряд. За смену мы перехватывали шесть-семь угнанных грузовиков.

А затем настало время долгосрочной операции моего внедрения в ряды мафии.

В тот период наши коллеги из Тампы, Флорида, отслеживали группу злодеев, которые угоняли тяжелую технику и элитные тачки. На шайку вышли случайно: когда арестовали какого-то сопляка по другому делу, то оказалось, что его отец – один из угонщиков.

Папаша был готов вывернуться наизнанку, лишь бы отмазать сына от тюрьмы. Он пришел к агентам и заявил: «Выбьете моему парню условку – я выведу вас на серьезных ребят, что уведут технику и дорогие тачки по всему Юго-Востоку».

Заручившись поддержкой патрульной полиции Флориды, Бюро превратило папашу в осведомителя и дало ему один шанс. Он не подвел. Выяснилось, шайкой руководил какой-то тип из Балтимора, они орудовали по всему региону.

Угоняли под заказ: грузовики, бульдозеры, грейдеры, кадиллаки, линкольны и даже легкие самолеты.

Показания агентов имеют огромное значение в суде, поэтому в Бюро придумали внедрить агента в шайку вместе с осведомителем. Информатор предупредил, что агенту придется водить длинномерные фуры и бульдозеры. Так всплыла моя кандидатура. Агентов с подобным опытом было немного.

И вот я сижу напротив осведомителя по имени Маршалл. Нам нужно найти общий язык, понять, готовы ли мы довериться друг другу и вместе рискнуть жизнями. Парень здоровый, под два метра, за сотню кило, с рыжеватыми волосами, окладистой огненной бородой и здоровыми лапищами. На нем рабочий комбинезон. Раньше он чинил грузовики и мог украсть все, что ездит. Я говорю, что не умею угонять тачки. «Нашел проблему, – хмыкает он. – Обучу тебя в два счета». Мы общаемся по душам: обсуждаем жен, работу, то да се. Беседа клеится, есть взаимная симпатия. Он признается, что считал всех агентов офисными крысами в лакированных ботинках. Я не подходил под это описание. «Ты правильный парень – говорит он, – сойдешь за своего. Поработаем».

Нужно было придумать оперативный псевдоним. Я особо не думал. Почему-то в голове всплыло имя из какой-то старой книги, а может, из фильма: Дональд Браско. Им я и стал. Федералы изготовили мне кредитки и водительские права с липовым именем. Изначально операция задумывалась как краткосрочная. В итоге она растянулась на полгода.

Маршалл вкратце ввел меня в суть дела. Шайкой руководил парень по имени Беккер. Вся грязную работу вроде разведки и угонов делали молодые парни по девятнадцать-двадцать лет. Тяжелую технику уводили прямо со стройплощадок. Тачки угоняли со стоянок для новых машин. Заказы на угон поступали от строительных компаний и бизнесменов. Люксовые тачки обычно заказывали ребята с туго набитыми кошельками.

Маршаллу поручили доставить угнанный пикап «Ford XLT» каким-то парням в Лейкленд, Флорида, которые перепродавали технику владельцам фосфоритных рудников. Мне предстояла первая боевая проверка.

Мы уже собирались выезжать, как старшие оперативники решили повесить на меня прослушку. Кассетный диктофон фирмы «Награ», если быть точным. Я не испытывал восторга: погода стояла жаркая и влажная, даже в ветровке я бы испекся. На мне было поло и джинсы. «И куда мне запихать ваш диктофон?» – спросил я. «Прилепим к спине», – нашлись с ответом коллеги.

Я не стал ломаться перед первой оперативной вылазкой. Ко мне прилепили диктофон размером десять на пятнадцать сантиметров, толщиной почти два сантиметра. Со стороны казалось, будто бы у меня под рубашкой горб.

Маршалл сочинил легенду, будто познакомился со мной через какого-то Бобби, который недавно погиб в автомобильной аварии. Про Бобби я узнал достаточно от того же Маршалла. Ну а мертвый Бобби был идеальным хранителем тайн.

Мы отогнали пикап к складскому гаражу, где нам назначили встречу заказчики. Вышли, поздоровались. Парни обошли тачку, оглядели ее со всех сторон. Мне приходилось все время вертеться и держаться к ним лицом, чтобы никто не заметил горб на спине. Заказчик по имени Райс прикидывал, сколько подобных машин он сможет продать парням с фосфоритных рудников, и расспрашивал, есть ли у нас другая техника. При этом он все время двигался кругами, заставляя меня еще чаще крутиться.

Мы хотели полторы штуки за пикап. В 1975 году новая версия стоила около четырех. Наконец, Райс решил, что именно у этого грузовика не хватает каких-то наворотов, и запросил другой экземпляр.

Когда мы с Маршаллом вернулись в наш номер в «Холидей инн», я позвонил начальнику. «Больше не надену чертов диктофон, – сообщил я. – Хожу как горбун».

К тому же, оказалось, что диктофон зажевал кассету, и запись не удалась.

Через пару дней нам предстояло встретиться с главарем шайки Беккером в Панама-Сити, Флорида, на самом побережье. Мы остановились в мотеле в Лейкленде, к востоку от Тампы. Все выходные Маршалл готовил меня к встрече. Он научил меня вскрывать тачки специальной отмычкой, которая называлась «Слим-Джим»: просовываешь ее в щель между дверью и стеклом и цепляешь запорную планку. Еще он научил меня за пять минут разбирать приборную

панель, чтобы узнать идентификационный номер тачки. VIN-код обычно выбивали на металлической плашке и сажали на заклепки. Надо было сбить заклепки и поменять плашку на пластиковую с новым номером. Он научил меня заводить тачки без ключа и выбивать замок зажигания с рулевой колонки ударным съёмником. Замок вылетал и оголял провода зажигания – соединяй их и едь. Еще он научил меня снимать рулевые блокираторы под машиной. В общем, я стал настоящим угонщиком.

Мы отправились в Панама-Сити на встречу с Беккером. Тот оказался обычным пройдохой с красной рожей, дерзкими манерами и богатым тюремным опытом. Он без устали тараторил о своих знакомствах с парнями из мафии, байкерами и прочими бандитами.

Беккер сразу привязался ко мне с расспросами про Бобби и мое прошлое. Я отвечал, что все делишки с погибшим я проворачивал давно, да и было их не так уж и много. Выдавать себя за матерого угонщика я не пытался, не хватило бы знаний. А вот за домушника, который все это время орудовал в Калифорнии и Флориде, сойти удалось.

И он купился на это – спасибо Маршаллу, который стоял рядом и поддакивал мне.

Я сразу взял быка за рога. Сначала я сообщил Беккеру, что умею соображать и работать чисто, а спереть тачку или фуру средь бела дня сможет и болван. Потом заявил, что буду руководить его кодлой на всех вылазках. Я вел себя нагло, чтобы заполучить управление всей шайкой. Это помогло бы избежать жертв и не навредить следствию. Командовать к себе в пару я взял Маршалла.

Беккер не возражал и просто предупредил своих парней.

Он рассказал мне абсолютно все о заказах: о моделях, цветах, примочках. Товар сбывали за половину или четверть реальной стоимости. Линкольны и кадиллаки в максимальной комплектации шли за две с половиной штуки баксов, хотя стоили все двенадцать. Седельные тягачи «Уайт-Фрейтлайнер» приносили десять-пятнадцать тысяч прибыли. За пикапы можно было выручить от полутора до двух, а за самосвал – четыре тысячи.

Все заработанные грязные деньги мы сдавали в Бюро. Маршалл получал ежемесячное жалованье как осведомитель. С наших делишек он больше ничего не имел.

Однажды Беккер дал нам заказ на «Уайт-Фрейтлайнер». Он заметил один экземпляр на парковке у въезда в Панама-Сити и тут же нашел покупателя из Майами, который согласился взять тягач за пятнадцать штук. На следующий день мы с Маршаллом отправились на разведку. Мы припарковались на другой стороне улицы у винного магазина, чтобы спокойно изучить расположение тягача, убедиться в отсутствии водителя и спланировать все по минутам.

Сидим, значит, минут двадцать, и тут подъезжает тачка со звездой шерифа на боку. Оттуда вылезает офицер, подходит к нам и сообщает, что мы напрягаем владельца магазина своим подозрительным поведением.

«Начальник, мы просто решаем, что будем пить, – вступаю я. – Уже решили». Заходим в магазин, покупаем пива для отвода глаз.

Вечером, когда мы собирались на дело, Маршалл хорошенько меня проинструктировал. Я хотел угнать тягач самостоятельно, проверить себя. Маршалл по памяти нарисовал всю проводку и объяснил порядок действий. «Уайт» – тягач с отсеком для сна в кабине, кондиционером и тупым носом, под который запрятан двигатель. Добраться туда можно было только из кабины.

Мы приехали на парковку и начали наблюдение за курсирующими машинами шерифа, засекая интервалы патрулирования. Маршалл стоял на шухере. Я направился к парковке. На то, чтобы взломать кабину, завести двигатель и выехать с парковки, мне понадобилось пять минут.

Я проехал первые триста миль до Лейкленда, где мы планировали поспать часик-другой, прежде чем отправиться в Майами. Тягач оставили на парковке мотеля. Пока мы отдыхали, федералы обшарили «Фрейтлайнер» и записали все нужные данные.

На следующий день мы добрались до Майами, где нас встретил Беккер с клиентом. Тягач планировалось продать подрядчику из Европы для каких-то дорожных работ. Но в последний момент клиент передумал и отказался от покупки.

Беккера ждали дела в Балтиморе. Он бросил нам: «Занывайте эту дуру где-нибудь рядом, а я подыщу нового клиента».

И куда нам девать «Уайт-Фрейтлайнер» в центре Майами? Я связался со своими. На помощь призвали ребят из дорожного патруля штата, которые предложили отвезти тягач на парковку Министерства транспорта на выезде из Майами. Идея была не из лучших – запрятать угнанный тягач на казенной территории. Но меня заверили, что на парковке куча свободных гаражей, тягач никто не увидит.

Так мы и поступили.

В то время парковки охранялись так себе, кроме прожекторов и цепи поперек въезда там ничего не было. Полицейские патрули курсировали с интервалом в пятнадцать или даже тридцать минут. Если все пойдет гладко, то тачку можно было дернуть минут за пять.

На каждое дело я отправлялся без силовой поддержки. Федералы или ребята из дорожного патруля не присматривали за мной. Такие операции проводят без слежки – она может спугнуть плохих парней. Или же привлечь внимание хороших – копы обычно не в курсе происходящего. Чем меньше посвященных в это дело, тем лучше.

Я не имел удостоверения федерала при себе. Не хотел попасться с ксивой. Официального распоряжения на этот счет не существовало, хотя некоторые агенты отправлялись во внедрение с документами в кармане. Меня же ксива лишняя раз заставляла нервничать. С копами можно было договориться и без нее. Не беда, если задержали и везут в участок. Я четко понимал, что в участке никому нельзя рассказывать, кто ты есть на самом деле. Пусть спецагенты сами решают, как тебя вытаскивать, твое дело сидеть молча. Поэтому удостоверение личности лучше оставить, когда отправляешься во внедрение.

Угоны – дело плевое, но каждый раз меня накрывал адреналин. Я знал, что работаю с разрешения органов, но порой все равно казалось, будто я действую один, без поддержки. Когда крадешь тачки за компанию с матерыми уголовниками и ворами, у которых в кармане может лежать ствол, все может пойти не так в любой момент. Разные мысли лезут в голову.

Нужно собирать доказательства для дела. Нужно приглядывать за поделщиками, чтобы никто не завалил операцию и не наломал дров. Постоянно беспокоит страх, что тебя расколют.

Кто знает, как поведут себя поделщики при задержании? Вдруг они откажутся сдаваться? А что, если случайный коп застукать шайку во время угона? А вдруг он начнет стрелять первым?

Как себя вести, если нас всех арестуют? Как спасти операцию? Маршалла? Себя?

Все эти мысли так и мечутся в голове, пока ты угоняешь тачки или изучаешь место будущего угона. А мы угоняли по пять-десять тачек в неделю.

Как-то раз нам поступил заказ на три кадиллака. Мы нашли нужные экземпляры возле Лисбурга, Флорида, в самом центре штата: пара на одной парковке, еще один – на другой. В тот же вечер я отправился за кадиллаками с двумя молодыми поделщиками. Мы успешно завели тачки и двинули в сторону Лейкленда, в отель. Маршалл ехал сзади для прикрытия. Мы гнали на всю катушку. «Кадиллаки» шеголяли заводскими наклейками на окнах, а фальшивые номера можно было достать только завтра.

Жмем мы, значит, на полную, рассредоточившись по разным полосам магистрали. Тут в моем зеркале заднего вида мелькают красные мигалки, и нас тормозит дорожный патруль Флориды. В те давние времена я таскал с собой девятимиллиметровый ствол, который обычно прятал под сиденьем.

Вылезаю из тачки, интересуюсь у офицера, в чем проблема.

– Сэр, вы превысили скорость, – отвечает он.

Документов на тачку нет, под сиденьем лежит пушка, на руках лишь права на имя Дональда Браско. Надо держать копа подальше от тачки. Я достаю права, протягиваю ему и как можно искреннее признаюсь:

– Командир, не спорю. Я перегоняю этот аппарат от одного дилера к другому, из Лисбурга в Лейкленд, мне надо успеть помыть тачку и поставить ее на парковку к раннему утру.

Называю дилера из Лейкленда. На часах три ночи, коп никому не будет звонить в это время.

– У меня даже документов на машину нет.

Коп оказался отзывчивым парнем:

– Ладно, держи, – возвращает мне права. – Но больше так не лети, другой патруль не отпустит.

После этого случая я до конца операции отказался таскать ствол с собой.

Каждый раз, когда поступал заказ на угон, я связывался с дежурным агентом и сообщал важные детали. Когда мы находили нужный вариант, я снова выходил на связь. После угона я при первом удобном случае передавал описание машины, координаты места, откуда мы угнали тачку, и остальные детали, чтобы федералы могли все зафиксировать и вернуть потом машины владельцам при помощи страховых компаний и дилеров.

Наконец Беккер нашел покупателя на «Уайт-Фрейтлайнер», который мы заныкали под Майами. Тягач понадобился каким-то наркоторговцам. Доперы перевозили дурь в рефрижераторах из Флориды в Калифорнию, пряча кокаин и марихуану в ящики с овощами и фруктами.

Мы с Маршаллом остановились в уже знакомом месте – отеле «Холидей инн» в Лейкленде. Беккер предупредил, что покупатели скоро свяжутся с нами.

Они позвонили, приказали сменить отель. Мы с ними не стали спорить. После двух дней ожидания эти крендели заявили к нам в номер. Их было двое: здоровые и неопрятные, патлатые, обоим лет по двадцать пять. У каждого под ремнем болтался ствол.

Они заявили, что договорились с Беккером на десять тысяч.

– Чушь собачья, – отвечаю я. – Тягач стоит пятнадцать.

– Мы договорились с главным, – начинают спорить парни. – Ваше дело – пригнать грузовик.

– Наше дело – доставить аппарат и обменять его на бабки, – я гну свою линию. – Я не работаю на главного, мы с ним партнеры. Он договорился на десять тысяч, мы с ним сошлись на пятнадцати. Какой мне смысл терять большую часть своей доли?

– Извини, братан, но мы договорились за десять и заплатим десять.

Я помню изначальную цену в 15 тысяч, поэтому и завожу этот опасный спор – воры не верят друг другу на слово. К тому же, Беккер может что-то заподозрить, если я соглашусь, не посоветовавшись с ним. Возьмет и наедет на меня:

раз ты такой весь правильный, что ж ты договариваешься с левыми парнями и теряешь деньги?

Если цена действительно изменилась, Беккер бы предупредил. А может, он специально умолчал, устроил мне проверку на вшивость?

Маршалл позвонил Беккеру из другого номера, тот дал добро. Тягач слишком долго висел мертвым грузом, и его могли найти. Пора его сплавить.

– Так, – начинаю я. – По рукам, но следующий заказ обойдется вам в пятнашку.

– Там посмотрим, – отвечает один из них.

– Это я посмотрю.

Мы договорились встретиться завтра в полдень возле Майами, у съезда с Саншайн-Парквей.

Утром следующего дня мы с Маршаллом отправились в Майами, на парковку Министерства транспорта, и забрали «Фрейтлайнер».

Парни ждали нас у съезда с магистрали.

– Деньги вперед – говорю.

– Не вопрос, – отвечает один из них. Он достает мокрый и грязный бумажный пакет, от которого жутко смердит, и протягивает мне.

– Это что еще за хрень? – спрашиваю.

– Бабки, – отвечают. – Мы храним кэш в земле.

Как-то раз Беккеру дали заказ на угон двух кадиллаков в Майами. Он отыскал дилера, нашел две подходящие тачки. Мы с Маршаллом отправились к точке за час до закрытия и припарковались на другой стороне улицы возле «Бургер Кинг». Пока дилер заканчивал свой рабочий день, мы успели засечь интервал между полицейскими патрулями.

После закрытия оказалось, что на парковке болтается охранник. Никто не предупредил нас об охраннике. Он никак не вписывался в наши планы.

Беккер хотел пробраться с дальней стороны парковки и устроить какой-нибудь шум, чтобы отвлечь охранника и дать нам шанс вывести тачки через главные ворота. Я был против, охранник мог попасть под раздачу. Поэтому я попытался отговорить Беккера, объяснить, что план рискованный.

Тут на парковку «Бургер Кинг» заехала машина шерифа и встала рядом с нами. Два копа решили выпить кофе.

Мы стоим, прислонившись спинами к своей тачке. Внезапно Беккер по-дружески кладет мне руку на плечо и кивает в сторону патрульной машины.

– За легавых не переживай, я многих повидал на своем веку, – начинает он. – И чую я их за версту, даже если они в гражданском. А федералов раскрыть еще проще.

– Да ну, – отвечаю. – И каким образом? Мне вот федералы никогда не попадались.

– Они по-особенному одеваются, по-особенному разговаривают, по-особенному ведут себя. Говорю же, чуйка у меня на них.

Я размышляю про себя: почему он ни с того ни с сего завел тему о федералах? Хочет посмотреть на мою реакцию? А может, я прокололся, когда начал отговаривать его от дела? Что за внезапное проявление дружбы? Теперь уже я кладу руку ему на плечо:

– Ну и что ты чуешь?

– Ничего, кроме двух копов в машине.

В конце концов он принял во внимание мои доводы, что охранник нам все испортит. Было решено попытать счастья на севере. Беккер снова вернулся в Балтимор. Он отправил нас с Маршаллом в Орlando на разведку.

Там мы обнаружили два подходящих экземпляра. Маршалл привлек в помощь пару юнцов. Пока он стоял на стреме, мы с парнями перекусили замок и залезли на парковку.

В этот момент мимо едет машина шерифа. Офицер замечает перекушенный замок, заворачивает на парковку и врубает мигалки.

Мы с парнями ныряем под машины. Я пытаюсь не думать о том, что будет, если коп нас обнаружит. Возможно, мои подельники при стволах. А если коп тоже любитель пострелять? Неужели меня найдут под этой машиной с пулей в голове, как угонщика-неудачника?

Коп кружит по парковке минут пять, потом уезжает. Мы садимся в кадиллаки и уматываем оттуда к чертовой матери.

Как-то раз Беккер угнал бульдозер в Балтиморе и приказал доставить его клиенту в Лейкленд. Мы погрузили эту штуку на платформу и взяли ее на прицеп. Попутно Беккер обронил, что скоро пойдут заказы на самолеты. Он уже успел отправить один двухмоторный экземпляр в Каракас, Венесуэла, а теперь появился заказчик на одномоторную «Цессну».

Мы с Маршаллом дотащили бульдозер до Лейкленда, а потом прочесали местные аэродромы и нашли подходящий самолет, который стоял на неохраняемой полосе. Вечером мы вернулись туда уже с пилотом. Маршалл залез в кабину, покопался в электрике и завел аппарат.

Пилот успешно взлетел. Но выпускать самолет из страны было нельзя, поэтому я предупредил своих ребят заранее, и они договорились с Федеральным управлением гражданской авиации: было решено перенаправить самолет в Майами. Так что, когда пилот взлетел, я дал сигнал, и ему приказали садиться в Майами. Чтобы не скомпрометировать операцию, федералы сделали вид, будто ищут наркоту на борту по наводке.

Двое парней из нашей шайки жили в Дейтоне, и как-то раз мы отправились к ним в гости. Они ютились со своими подружками и двумя детьми в какой-то лачуге. Внутри царил бардак, дети носились по дому в подгузниках, а из еды были только чипсы да пиво.

Мы с Маршаллом сходили в магазин, закупили кучу продуктов, включая детское питание. Наши кореша покормили детей, а для нас я приготовил томатный соус и пасту с колбасками и перцем. Такой вот семейный обед получился у нас с ворами и их подружками тем воскресным днем.

Операция отнимала почти все время, за пять месяцев я всего пару раз побывал дома. Разлуку сильно усугубляла нехватка денег.

В те времена агент во внедрении получал только суточные – и больше ничего. Из этой суммы приходилось оплачивать отели и обеды. Денег катастрофически не хватало. Мне нередко приходилось оплачивать из собственного кармана счета моих подельников. Я много звонил домой, но не мог допустить, чтобы номер попал в гостиничную квитанцию, поэтому общаться приходилось за счет собеседника. К концу операции я наговорил на очень приличную сумму, которую мне никто не компенсировал. Пришлось заплатить. Когда у меня заканчивались наличные, меня выручала жена, отправляя немного денег. Вряд ли она была от этого в восторге. В итоге за всю операцию я потратил около трех тысяч из собственных сбережений. Но я не мог позволить себе поставить все дело под удар из-за споров с начальством по поводу денег.

Федералы строго отслеживали расходы и требовали чек за каждую покупку. Один раз дело дошло до конфликта. В той истории про «Уайт-Фрейтлайнер» нам пришлось сменить отель, и у меня на руках оказалось два счета, датированных одним днем. Бухгалтеры из Бюро отказали мне в возмещении расходов, поскольку по правилам давалась лишь одна бронь на день. Такого я уже не стерпел и категорически отказался покрывать второй отель из своего кармана. Я объяснил, что во внедрении сложно планировать расходы. Это возымело действие, и ко мне начали прислушиваться. Увеличили недельный бюджет, разрешили тратить деньги по ситуации.

Это была первая в своем роде долгосрочная операция по внедрению, отсюда и возникали подобные шероховатости.

В феврале 1976 года ФБР и дорожный патруль Флориды арестовали Беккера вместе с остальной шайкой из тридцати человек и возместили убытки размером в миллион долларов автомобильным дилерам Флориды, Мэриленда, Южной Каролины, Пенсильвании, Миссури, Алабамы, Джорджии и Вирджинии. Вскрытая преступная сеть оказалась одной из крупнейших и самых прибыльных в истории.

Судебный процесс растянулся на два с лишним месяца. Что касается Маршалла, то за содействие в раскрытии деятельности банды и подробные показания он был включен в федеральную программу защиты свидетелей, по которой его и всю его семью перевезли в засекреченное место жительства, снабдив их новыми документами.

За эту операцию я получил премию в 250 долларов и письменную благодарность от самого директора ФБР Кларенса М. Келли.

Но главной наградой стало письмо, которое один из адвокатов защиты отправил господину Келли. В частности, там была такая строчка: «Мистер Пистоне... не просто добыл ценнейшие показания, проделав выдающуюся работу в качестве внедренного агента, но и поразил своей рассудительностью, порядочностью и преданным отношением к делу».

Тот факт, что адвокат защиты не поленился написать хвалебное письмо после проигранного дела, принес мне огромное удовлетворение.

Я вернулся в Нью-Йорк и продолжил работать в отделе угонов. Но успех прошедшей операции изменит мою карьеру и надолго забросит меня в ряды мафии.

3

Подготовка

Федералы серьезно задумались над долгосрочными операциями по внедрению. Под долгосрочными они понимали дела от полугода и больше. Наш успех с шайкой Беккера окончательно убедил их в том, что внедрить агента эффективнее, чем искать осведомителей среди уголовников.

Гай Берада, мой руководитель в Нью-Йорке, с которым я работал в отделе по борьбе с угонами крупных транспортных средств, поддерживал эти начинания. К слову, сейчас он отдыхает на пенсии.

Весной 1976 года мы провели череду официальных и неофициальных совещаний, после чего родился план. Мы задумали внедриться в ряды крупных торговцев краденым, связанных с мафией. Я был идеальным пропуском в мир угонщиков. Получаешь заявку об угоне транспорта с грузом, расследуешь дело, находишь подозреваемого, отслеживаешь товар, выходишь на сбытчика. Мы нацелились на крупную рыбу или, попросту говоря, на торговцев из высшего эшелона криминала, которые работали с мафиози. Последние располагали финансами и толкали товар дальше, используя проверенные схемы и связи. Некоторые дельцы держали рестораны, бары или магазины; другие – так называемые правильные парни – так и вовсе входили в криминальные семьи.

Ко внедрению предполагался один агент. Выбор пал на меня: успешная операция за плечами, умею угонять тачки, свой человек на улицах. Не в последнюю очередь потому, что я был итальянцем. Предполагалось, что мне будет проще сойтись с объектами слежки, поскольку они либо сами были итальянцами, либо постоянно вели с ними дела.

Идея была проста: нарушить их схемы и тем самым дать ощутимого пинка мафии. Никаких других целей мы первоначально не преследовали. Придумать план несложно, но что делать потом? Нельзя ведь просто встать и сказать: ладно, я пошел во внедрение. Чтобы подготовиться и получить все необходимые разрешения, нам пришлось потратить несколько месяцев.

Я очень волновался, когда совместными усилиями мы проталкивали идею наверх, в штаб-квартиру ФБР в Вашингтоне. В своей презентации мы просчитали все до малейшей мелочи: сколько понадобится денег и времени, за кем конкретно мы следим, какова вероятность успеха. Долгосрочные операции по внедрению были настолько непривычны для федералов в то время, что у Бюро отсутствовали какие-либо инструкции для вовлеченных агентов и руководителей – подобный документ появился гораздо позже, к 1980 году. Мы оказались первопроходцами, поэтому идею пришлось рекламировать в буквальном смысле слова.

Лично меня охватил азарт с первых секунд, когда идея только родилась. Я был рад снова оказаться на передовой, погрузиться в новую, более длительную операцию. Контакт с бандитами меня не пугал, а лишь пробуждал любопытство. Тем более что у нас появился еще один законный способ прижать организованную преступность. В 1970 году Конгресс принял Закон о коррумпированных и находящихся под влиянием рэкетиров организациях, который на сегодняшний день известен как закон «РИКО»⁴. Впервые в истории нам разрешили законно преследовать «организации, в деятельности которых прослеживается криминал». Теперь достаточно было доказать причастность отдельных личностей к подобной орга-

⁴ Закон RICO (англ. *The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act*, «RICO Act»), подписанный Ричардом Никсоном, устанавливал более строгую ответственность за легализацию незаконно заработанных средств. Результатом применения закона RICO стало заключение в тюрьму руководителей американской мафии, а также ликвидация деятельности целых криминальных семей (иначе говоря, ОПГ). – *Примеч. ред.*

низации, а не охотиться за уликами против каждого ее члена по каждому совершенному им преступлению.

По сути дела, это было универсальным оружием против мафии.

Новый формат операций и новый закон развязали руки мне и моему руководству. Мы могли строить планы и проводить дела самостоятельно, без лишнего вмешательства.

Берада на тот момент считался одним из самых изобретательных руководителей. Это пришлось очень кстати. Как правило, высокие кабинетные чины не любят рисковать своими погонями ради чего-то непонятного, поэтому нам предстояло составить безупречный и, самое главное, выполнимый план с понятными четкими целями.

Мы изучили огромное количество материала, чтобы отправить меня во внедрение. Информацию приходилось собирать без лишнего шума. В самом начале о подготовке знали всего четыре или пять человек: Берада, мой руководитель; Тед Фоули, руководящий спец-агент уголовного отдела Нью-Йоркского подразделения ФБР; Джо Коналли, агент-следователь; и Стив Берси, мой связной агент. Я изучал закрытые старые дела и отчеты, искал любую информацию о барыгах, которые ранее попадали в поле нашего зрения, и делился находками только со своей группой. Другим я не доверял. Личности большинства подозреваемых были нам известны, а вот улик катастрофически не хватало. Что ж, теперь мы внедримся к ним в логово и впервые изучим обстановку изнутри. Я запоминал их имена, изучал лица на снимках. Мы хотели знать все: с какими мафиози они связаны, кто угоняет машины для них, где они пьют пиво, где заключают сделки, что это вообще за люди, какие у них привычки – любой пустяк мог оказаться решающим.

В подготовке плана и его презентации участвовали несколько людей из нью-йоркского подразделения и штаб-квартиры. За разработку самых первых стратегий внедрения отвечал Эдди О'Брайан, старший агент из Вашингтона. Для презентации мы отобрали самых крупных воротил и несколько ключевых локаций в Нью-Йорке, включая Маленькую Италию в Манхэттене и несколько кварталов в Бруклине. Туда же мы включили список клубов и ресторанов, куда меня могло занести, и оставили пространство для маневров на случай непредвиденных обстоятельств.

Во время подготовки нам пришлось в голову составить такой же план для Майами, чтобы подключить второго агента и запустить там операцию параллельно с Нью-Йорком. В Майами жили и отдыхали люди при деньгах, что не могло не привлекать жуликов и воров разного толка. Там работали карманники и финансовые махинаторы, а всю добычу они передавали авторитетным скупщикам краденого, которые вели дела с бандитами. Почему бы не прижучить и их заодно? Ударим одновременно из двух городов.

В Майами идею оценили. Мы с Берадой отправились туда, чтобы провести такую же презентацию, как в Нью-Йорке.

Нам оставалось определиться с агентом, который подошел бы на роль моего коллеги в Майами. В подобного рода операциях от этого выбора может зависеть многое. Напарник – это человек, которому ты готов доверить не только служебные тайны, но и жизнь.

Из подразделения в Майами я особо никого не знал. В итоге я выбрал себе в пару давнего приятеля, который работал под оперативным прозвищем «Джо Фитцджеральд». С этим двухметровым парнем из Бостона мы играли за университетскую команду, он отлично бросал по кольцу. Крепкий, спокойный, мог постоять за себя. Простой уличный парень. Давно жил в Майами, хорошо знал город. Мы рассказали ему про операцию, и Джо Фитц согласился.

Мы решили запустить две операции tandemом под кодовым названием «Солнечное яблоко». Майами – солнце, Нью-Йорк – яблоко⁵.

⁵ «Большое яблоко» (англ. «The Big Apple») – самое известное прозвище Нью-Йорка. Возникло в 1920-х гг. – *Примеч. ред.*

Дальше принялись за меня. Нужно было создать новую личность, способную выдержать любую проверку. На улице никто не поверит на слово, пока не проявишь себя.

Мы составили список фактов, необходимых для убедительной легенды. На первом месте шло имя. С прошлой операции у меня остался целый бумажник готовых документов: карта социального обеспечения, кредитка «Американ экспресс», водительские права в двух экземплярах – для Флориды и Нью-Йорка. Было решено сохранить личность Дональда Браско. Под этим именем меня знали в Калифорнии и Флориде, я мог поднять прежние связи. Нет смысла менять то, что и так работает.

Но преимущества старого имени могли вылиться в проблему. А что, если во мне узнают агента, который давал показания по делам об угонах во Флориде? Я засветился там по полной. С другой стороны, мафиози в тех делах не мелькали, и я никого из них не подставил. Пока шла подготовка, я постоянно размышлял, как же сделать лучше. И в конце концов решил: да и черт с ним, будь что будет.

Дональду Браско полагалось иметь какое-то прошлое. Но без деталей. Я ведь не собирался усложнять себе жизнь, чем меньше говоришь, тем меньше врешь, а постоянно врать придется и без того. Чтобы не запутаться в сказанном, лучше поменьше открывать рот. Во внедрении я всегда по возможности держался правды. Но подробно отвечать на вопрос «Откуда ты?» я не собирался.

Предполагалось, что я стану эдаким гибридом взломщика и вора драгоценностей, который мотался между Майами и Калифорнией. Семьи по легенде мне не полагалось.

Мы решили сделать меня сиротой. Нет родных – нет данных. В противном случае придется привлекать других агентов, чтобы они изображали родственников. А что взять с сироты? Разве что спросить, в каком районе он вырос. Я неплохо ориентировался во Флориде и Калифорнии, поскольку долго там проработал.

Ребята из нашей оперативной группы накопили информацию о приюте в Питтсбурге, который сгорел вместе со всеми документами и личными карточками. Идеальный вариант для легенды. Один из наших агентов раньше жил в Питтсбурге, а я вырос в Пенсильвании⁶.

Легенду про вора драгоценностей я придумал сам. У мошенников есть куча специальностей. Мне нужно было выбрать такую, где работаешь в одиночку и без применения насилия. Я не мог притвориться налетчиком, грабителем банков, угонщиком или кем-то вроде того. Бюро разрешило влезать в легкий криминал, но насилие было исключено полностью. Домушник же всегда может сказать, что работает сам по себе. А если нет поделщиков, то никто и не узнает, как ты проворачиваешь свои дела, поэтому я мог не бояться разоблачения.

Легенда звучала естественно: воры драгоценностей, как и все домушники, часто работают в одиночку. Если сделать все по уму, то жертва тебя даже не заметит и не получит по голове. Моя специальность освобождала от работы, где предполагалось насилие: домушников обычно на такие дела не зовут.

Планируя операцию, мы непременно учитывали, что меня может занести на запретную с точки зрения закона территорию. Оставалось надеяться на лучшее и решать проблемы по мере их поступления. Но прежде чем выпустить меня «на улицу», мы обговорили много важных вещей: как далеко я могу зайти, в каких преступлениях я могу участвовать, за чем могу наблюдать, от чего лучше отказаться, где проходит граница между оперативной работой и явным преступлением.

Раз уж я назвался взломщиком, нужно было обладать соответствующими умениями. Я кое-что знал о сигнализациях и системах наблюдения, чтобы не выглядеть профаном при обсуждении разного рода авантюры. По запросу ФБР крупная ювелирная фирма из Нью-Йорка

⁶ Питтсбург – второй по величине город в американском штате Пенсильвания. – *Примеч. ред.*

устроила мне двухнедельный экспресс-курс по геммологии⁷. Про операцию они, разумеется, ничего не знали. Я изучал экспонаты Нью-Йоркского музея под руководством приставленного эксперта и купил книг по драгоценным камням и монетам. Экспертом в музей меня не взяли бы, но знаний я поднабрался.

Донни Браско получил документы и легенду о криминальном прошлом. Оставалось рассчитать бюджет. Мне требовались автомобиль, квартира и деньги на жизнь.

Мы начали скромно. Для нью-йоркской части операции «Солнечное яблоко» запросили десять тысяч долларов на полгода. Негусто, но мы рассчитывали, что такой бюджет нам одобряют без проблем. Главное – стартовать. Если будут результаты, можно будет и дальше выбивать финансы. Мы верили в успех операции. А если понадобится еще полгода, то сделаем еще одну презентацию.

Никто и представить не мог, что операция растянется на *шесть лет* и закончится таким образом.

Мы осторожничали с деньгами, поскольку в бухгалтерии федералов считать умели. В статью расходов попали бытовые траты, аренда квартиры и машины, расходы на телефон и уйма других мелочей. Первоначальную цифру 10 000 долларов пришлось исправить на 15 000: мы решили запросить дополнительную пятерку на непредвиденные расходы – например, если мне придется вложиться в какое-нибудь дело.

Когда все было оформлено надлежащим образом, мы отправили документы в Вашингтон. Операцию одобрили.

Мне предстояло исчезнуть. Про операцию знали всего несколько человек. Моим родным сообщили, что я уйду во внедрение, но ради их же безопасности в подробности никто не вдавался. Бюро впервые проводило столь долгую операцию по внедрению, поэтому нам предстояло разрабатывать инструкции по ходу дела. Для начала решили уничтожить всю информацию о моей службе в ФБР.

В предыдущей операции, где мы выслеживали шайку угонщиков, мы иногда появлялись в офисе по мере необходимости. Теперь же правила игры сильно ужесточились. Из ящиков моего рабочего стола в нью-йоркском подразделении ФБР на 69-й Ист-стрит выгребли все дочи́ста. Мое имя стерли со всех досок, а личное дело изъяли из архива и поместили в сейф руководителя операции. Из зарплатных ведомостей я тоже исчез, мне платили в обход. За исключением оперативной группы, связанных агентов и старших чинов из штаб-квартиры в Вашингтоне, никто из сотрудников Бюро по всей стране не знал об операции. Всем, кто спрашивал меня по телефону, отвечали, что такого сотрудника не существует. Сотрудникам Бюро пришлось запомнить, что человек по имени Джозеф Пистоне никогда не работал с ними.

Операция была задумана еще в апреле. А когда пришло время действовать, уже начиналась осень.

В сентябре 1976 года я покинул свой офис в ФБР и за последующие шесть лет, пока шла операция, даже близко не подошел ни к одному из офисов Бюро по всей стране.

Мои коллеги не знали, куда я пропал. Как и мои друзья. Как и мои осведомители. Донни Браско осведомители ни к чему.

Джозеф Пистоне растворился, а Донни Браско предстояло встать на ноги. Для начала мне требовались обычные вещи: квартира, машина, счет в банке. Уже без помощи федералов. Дональд Браско теперь мог рассчитывать только на себя самого.

Я был готов к этому. Обращаться к знакомым или друзьям было нельзя: так они узнали бы про операцию. Потом кто-то сболтнет лишнего, и пиши пропало. Меньше осведомленных – меньше утечек. Мы понимали, что за скупщиками стоят серьезные парни из мафии, любой

⁷ Геммология (от лат. *gemma* – «самоцвет, драгоценный камень», и др. – греч. *λόγος* – «слово, разум») – наука о драгоценных и поделочных камнях. Изучает геологию месторождений, технологию обработки камней и их свойства. – *Примеч. ред.*

прокол может оказаться фатальным, и я заплачу за него жизнью, поэтому организовывать свой быт пришлось самостоятельно, как рядовому гражданину.

Мы создали несколько вариантов прикрытий для Дональда Браско. Придумали несколько подставных номеров, по которым можно было навести обо мне справки. Номер телефона работодателя был одним из таких прикрытий. Я числился управляющим компании «Эйс Тракинг». По другому номеру можно было дозвониться моему домоуправу, роль которого исполнял я сам. Кроме меня, на звонки отвечал мой руководитель или старший агент.

Чтобы дополнить свой образ, я арендовал желтое четырехместное купе «кадиллак ДеВильль»⁸ 1976 года с флоридскими номерами.

Обычно я не носил драгоценности, и мне было плевать на то, какая одежда нынче в моде. Для операции мне пришлось приодеться: навесить кольца и цепи и купить одежду спортивного стиля. Эта разовая трата облегчила бюджет на 750 баксов.

Я отправился в отделение «Чейз Манхэттен бэнк» в центре города, чтобы открыть счет. Начал заполнять анкету. Графу «прежние счета» я оставил пустой, после чего передал анкету клерку.

- В каком банке раньше обслуживались? – спросил он.
- Это еще к чему? – напрягся я.
- Надо проверить вашу подпись на подлинность, – последовал ответ.
- Ни в каком.
- Без проверки мы не сможем открыть вам счет.

Так я получил первый жизненный урок, находясь по другую сторону закона. Нельзя завести счет в банке без кредитной истории, даже если в кармане твоего новенького спортивного костюма лежит тысяча баксов наличкой. Меня застали врасплох. Но спорить я не собирался, поскольку был не в лучшем положении.

Я поблагодарил клерка и откланялся.

Через дорогу красовалось отделение «Кемикал бэнк», и я решил попытать счастья у них, заранее продумав пути отхода на тот случай, если меня снова спросят про кредитную историю.

Захожу, заполняю анкету. Клерк задает тот же вопрос:

- В каком банке обслуживались последние два года?
- Ни в каком, – отвечаю.
- Боюсь, мы не сможем завести вам счет.

Я пошел в наступление:

- То есть вы ущемляете мои права?

– Прошу прощения? – теперь напрягся клерк. От дискриминации чаще всего страдают черные и женщины, но я не похож ни на тех, ни на других, поэтому он впадает в ступор. – Наши правила одинаковы для всех.

– Я только откинулся из тюрюги, – поясняю. – Шесть лет отмотал. Хочу стать добропорядочным гражданином. Долг обществу я отдал, нашел себе нормальную работу, а теперь хочу открыть счет и стать как все. У меня на кармане тысяча баксов, и мне просто нужен чековый счет. А вы от меня требуете какую-то кредитную историю. Давайте-ка диктуйте свое имя и должность, я сейчас пойду в администрацию города и накатаю заявку в органы по защите гражданских прав.

Клерк явно нервничает – его больше волнует столь близкая встреча с уголовником (видимо, первая в жизни), чем перспектива потерять работу.

- Ладно, иногда мы делаем исключения. Попробуем вам помочь, – отвечает он.

Так я получаю счет в банке. Дальше квартира.

⁸ Двухдверные купе *Coupe Deville* с середины 1960-х входили в число самых популярных моделей *Cadillac*. – Примеч. ред.

Меня мало волновало, где и в каких условиях жить, за исключением двух вещей: я не хотел заселяться в район проведения операции и я хотел жить в большом многоквартирном доме. Мне требовалось местечко, где я мог бы обитать, не привлекая лишнего внимания.

Около недели я просматривал объявления в газетах. Наконец подвернулся нужный вариант.

Я арендовал двушку на двадцать первом этаже в комплексе «Йорквилл тауэрс» на пересечении 91-й стрит и Третьей авеню, в паре кварталов от элитных домов Верхнего Ист-Сайда.

Мне понравились расположение, просторный подъезд, подземная парковка, да и цена была приемлемой – чуть меньше пятисот долларов в месяц. Дом круглосуточно охранялся, почту доставляли до двери.

Мебель я взял напрокат, за 90 баксов в месяц. Постельное белье, полотенца и душевую занавеску я купил, а всю посуду позаимствовал из настоящего дома.

Я предупредил жену, что на домашний телефон можно звонить только в экстренном случае. Бандиты могли поставить меня на прослушку или оказаться в гостях в момент звонка, но это я ей, конечно, не стал объяснять. Зато рассказал, что оставил старый псевдоним Дональд Браско, что буду звонить как можно чаще и скоро вернусь домой. Про возможный контакт с мафией я умолчал. Возможно, это выглядело эгоистично, но я просто делал свою работу.

Дон Браско, взломщик и вор, вышел на охоту.

4

На охоте

Мы заранее подготовили список мест, где любили ошиваться барыги с нужными связями. Я ходил в разные бары, рестораны и клубы как на работу, буквально каждый день. Отмеченные места не всегда считались «бандитскими», хотя некоторые ночные заведения и рестораны действительно полностью или частично принадлежали мафии. Но чаще это были обычные места, куда «правильные парни» и их соучастники любили заходить время от времени.

По большей части я бродил по центру или нижнему Манхэттену, заглядывая в то или иное заведение на стаканчик чего-нибудь или на обед, без лишнего шума и болтовни. Мне надо было примелькаться, «посветить» лицом. «Рэйнбоу рум» в «Рокфеллер-плаза», «Сепарэйт тэйблз» на Третьей авеню, ресторан «Везувий» на 48-й стрит в самом сердце театрального квартала, дискотека «Сесиль» на 54-й стрит, ресторан «Овации» на Лексингтон-авеню – я посещал места подобного типа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.